

Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ своихъ „Путешествіяхъ по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю“ (изд. 1896 г.) А. И. Макшеевъ описываетъ между прочимъ экспедицію для изслѣдованія Аральскаго моря, въ которой принималъ участіе вмѣстѣ съ лейтенантомъ Бутаковымъ въ 1848 году.

Среди рядовыхъ экспедиціи находился ссыльный Т. Г. Шевченко, прикомандированный въ качествѣ художника для снятія береговыхъ видовъ. Къ сожалѣнію, зарисованный имъ альбомъ съ видами оказался утеряннымъ.

А. И. Макшеевъ вспоминаетъ какъ въ походѣ онъ раздѣлялъ кибитку, а въ плаваніи—каюту съ Т. Г. Шевченко, который хорошо себя чувствовалъ на степномъ и водномъ просторѣ послѣ стѣсненій солдатской жизни въ Орской крѣпости. Тамъ онъ долженъ былъ переносить подневольное положеніе рядового, здѣсь вращался въ интеллигентномъ обществѣ офицеровъ, цѣнившихъ въ немъ талантливаго поэта.

Въ 4-мъ путешествіи А. И. Макшеева, еще не появлявшемся въ печати, приводится воспоминаніе о товарищеско й жизни автора съ Т. Г. Шевченко, которое и предлагается вниманію читателей. У А. И. остался на память портретъ работы художника-поэта.

Н. М.

Къ началу 1848 года въ Оренбургъ прибылъ лейтенантъ Бутаковъ, для производства описи Аральскаго моря. Желая облегчить и, если удастся, улучшить участь Шевченко, онъ про-

силъ генерала Обручева отпустить его съ нимъ, для снятія береговыхъ видовъ невѣдомаго доселѣ моря и хотя по Высочайшему повелѣнію Шевченкѣ запрещено было брать карандашъ въ руки, Обручевъ согласился на эту просьбу.

Во время похода на Сыръ-Дарью и описи Аральскаго моря я прожилъ съ Шевченко не разлучаясь 4^{1/2} мѣсяца и во все это время видѣлъ его постоянно бодрымъ и веселымъ. Ко всѣмъ неудобствамъ походной обстановки онъ приравнивался легко и велъ жизнь совершенно трезвую, хотя склонность къ водкѣ, сильно развившаяся въ немъ впоследствии въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, проявлялась и въ это время. Передъ отходомъ шкуны изъ Райма я купилъ у единственнаго бывшаго тамъ торговца 6 послѣднихъ бутылокъ скверной наливки, настоянной на сушеныхъ вишняхъ, и рассчитывалъ, что ихъ хватитъ на все время плаванія по морю и даже до возвращенія въ Оренбургъ; но вышло иначе. Въ началѣ нашего плаванія, когда я былъ все время на палубѣ, Т. Г. попросилъ у меня позволенія пріютиться на моей койкѣ, и съ книгою въ рукахъ пролежалъ на ней день или два, а потомъ, когда я сталъ вытаскивать бутылки изъ-за койки, оказалось, что всѣ онѣ были пусты.

Описная экспедиція была окончена осенью 1849 года. Шевченко прибылъ съ Косъ-Арала въ Оренбургъ и по приглашенію генеральнаго штаба штабсъ-капитана Карла Ивановича Герна, имѣвшаго собственный домъ въ Слободѣ, помѣстился у него на жительство. Бутаковъ представилъ въ числѣ работъ описной экспедиціи альбомъ видовъ Аральскаго моря, Шевченки, и официально ходатайствовалъ о производствѣ его въ унтеръ-офицеры, что составляло въ то время первый и самый важный шагъ для разжалованнаго. Обручевъ, весьма довольный альбомомъ, наглядно дополнявшимъ опись Аральскаго моря, сдѣлалъ въ свою очередь представленіе о Шевченкѣ, но изъ С.-Петербурга ему выразили неудовольствіе, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, онъ допустилъ Шевченко рисовать. Впоследствии я узналъ, что за представленіе Шевченко Бутаковъ подвергался тайному наблюденію 3-го отдѣленія, продолжавшемуся еще во время его командировки въ Швецію для заказа пароходовъ. Между тѣмъ альбомъ былъ возвращенъ Шевченко, и онъ подарилъ его К. И. Герну, въ благодарность за гостепримство. Желая извлечь альбомъ изъ забвенія и издать его, я обращался къ женѣ покойнаго Герна съ просьбою объ отысканіи его и доставленіи ко мнѣ, но, къ сожалѣнію,

она не могла найти среди вещей своего деревенскаго дома ни одного рисунка изъ разрозненнаго альбома.

Хотя генераль Обручевъ имѣлъ непріятность изъ за Шевченки, но не принялъ противъ него никакихъ стѣснительныхъ мѣръ; тѣмъ не менѣе положеніе послѣдняго вскорѣ измѣнилось къ худшему, вслѣдствіе сдѣланнаго на него доноса. Доносъ заключался въ томъ, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, Шевченко снимаетъ портреты даже съ официальныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, на примѣръ, съ коменданта и прочее. По общему мнѣнію авторомъ этого доноса было лицо, негодовавшее на Шевченко за то, что тотъ мѣшалъ ему въ одной любовной интригѣ. Послѣ доноса генераль Обручевъ получилъ вторично непріятную бумагу изъ Петербурга и долженъ былъ отправить Шевченко въ отдаленное Новоостровское укрѣпленіе, на восточномъ берегу Каспійскаго моря (нынѣ Александровскій фортъ), съ приказаніемъ коменданту строго наблюдать, чтобы онъ ничего не рисовалъ.

Шевченко безвыѣздно оставался въ Новопетровскомъ укрѣпленіи до прощенія и отъ нечего дѣлать сталъ, говорятъ, сильно пить. Попытки вырвать его изъ этой труппы не имѣли успѣха. Такъ вскорѣ послѣ смѣны Обручева генераль-адъютантомъ В. А. Перовскимъ, на кабинетный столъ послѣдняго положили однажды одинъ изъ наиболѣе удачныхъ степныхъ рисунковъ Шевченко, въ надеждѣ, что Перовскій обратитъ на него вниманіе, спроситъ, кто его дѣлалъ, и такимъ образомъ, дастъ возможность походатайствовать о несчастномъ художникѣ, но Перовскій, лишь только увидалъ рисунокъ, догадался, чей онъ, бросилъ на полъ и грозно сказалъ окружающимъ, „чтобы не смѣли напоминать ему объ этомъ негодяѣ!“

Въ Петербургѣ рассказывали, что какъ только въ Новопетровскомъ укрѣпленіи было получено извѣстіе о прощеніи Шевченка, комендантъ укрѣпленія, не дождавшись приказа по корпусу, отпустилъ его съ первымъ отходящимъ пароходомъ. Шевченко отправился прямо въ Петербургъ, но въ Казани былъ задержанъ по распоряженію оренбургскаго начальства, требовавшаго, чтобы онъ былъ препровожденъ въ Оренбургъ за полученіемъ бумагъ объ отставкѣ. Слѣдовало отправить его, какъ нижняго чина, пѣшкомъ по этапу, но казанскій губернаторъ сжалился надъ несчастнымъ, вытребовалъ бумаги изъ Оренбурга и отпустилъ наконецъ его на свободу.

Въ Петербургѣ Шевченко чуть не носили на рукахъ, онъ сдѣлался знаменитостью, но я съ нимъ не видѣлся. Онъ не

нашелъ нужнымъ навѣститъ стараго товарища, съ которымъ въ трудную эпоху своей жизни дѣлилъ хлѣбъ и соль и не имѣлъ никогда ни малѣйшей непріятности, а я не счелъ возможнымъ ѣхать на поклонъ къ знаменитости, въ которой желалъ видѣть прежде всего человѣка. Только разъ мы встрѣтились издали на какомъ-то представленіи въ огромномъ залѣ Руадве, и Шевченко послалъ мнѣ глазами и рукою дружеское привѣтствіе, на которое я отвѣтилъ ему тѣмъ же. Вскорѣ онъ скончался.

Сообщ. Н. Маншеева.

